

измеряемый как минимум сотнями миллионов человек, либо тот, кто формирует такой рынок за счет интеграционных образований» – отметил Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь [1, с. 7]. Более того, в своем Послании А.Г. Лукашенко сформулировал новую идею «интеграции интеграций»: «Беларусь выдвигает идею «интеграции интеграций». Ее цель – создание общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [1, с. 7].

Таким образом, национальное самосознание белорусов – это стремление к национальной идентичности в условиях интеграционных объединений. Цивилизационное будущее Беларуси возможно в условиях синергии исторического опыта и современных моделей интеграционных объединений.

Использованная литература

1. Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь / А.Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2012. – 10 мая. – С. 3–10.

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ. В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ СЕННЕНСКОГО УЕЗДА МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Хромченко Д.Н.г. Минск, БНТУ

Библиография научной литературы о восстании 1863–1864 гг. достаточно обширна и разнообразна, как по полноте подачи материала, так и по оценкам этого события. В зависимости от временных или политических факторов оно расценивается историками то как польское шляхетское национально-освободительное движение, то как крестьянская социальная революция, соответственно, и руководители этого восстания порой приобретают черты или национальных лидеров, или вождей угнетенных народных масс. Общим же для публикаций, касающихся этой темы, является, во-первых, осмысление событий того времени в рамках всего восстания, всей территории, охваченной им, во-вторых, акцентирование внимания, прежде всего, на событиях в западной Беларуси. События, происхо-

дившие во время восстания в восточной части территории современной нашей республики, как правило, даются фрагментарно, без достаточно глубокого анализа, внимание концентрируется, чаще всего, на отдельных, наиболее ярких фактах, например, захвате повстанцами г. Горки.

В данной публикации впервые предпринята попытка проанализировать состав участников, особенности тактики противоборствующих сторон, ход событий в восточной, более русифицированной к тому времени части Беларуси и на примере отдельного региона, в частности, Сенненского уезда Могилевской губернии, о котором в исторической литературе, касающейся этой темы, практически нет упоминаний. Обращение к отдельному региону, позволит на наш взгляд, глубже проанализировать рассматриваемую проблему, вскрыть ранее неизвестные факты, сравнить и сверить особенности этого региона с общей картиной восстания.

Как правило, в исторической литературе восстание в восточной Беларуси трактуется как партизанская борьба отрядов, направленных в эти регионы со стороны. Нам бы хотелось обратить внимание на то, что подготовка к восстанию велась заблаговременно на местах. Особенное значение придавалось восстанию в Могилевской губернии. Предполагалось, что отсюда революционное влияние распространится и на внутренние российские губернии. Здесь еще задолго до восстания в деревнях и селах работали агитаторы, которые еще прямо не призывали к вооруженной борьбе, но готовили почву, акцентируя внимание населения прежде всего на несправедливость манифеста и положений об отмене крепостного права. Конкретная подготовка к боевым действиям активизировалась с весны 1863 г., уже после начала восстания. В начале апреля 1863 г. в Могилевскую губернию был направлен Л.М. Звездовский, которому было поручено руководить всеми действиями восставших в этом регионе. До этого в губернии вели работу К.А. Жебровский, А.В. Олендский, И.М. Будилович, Я.А. Жуковский, которые начали подготовку восстания в Оршанском, Сенненском и других уездах. В Сенненском уезде эта работа приобрела конкретные формы с начала апреля 1863 г. Об этом свидетельствуют материалы расследований по делу участников восстания, проводимых уже после его разгрома. Например, в апреле 1864 г. помощник Сенненского уездного исправника проводил дознание в отно-

шении управляющего именем Обчуга Хморовича, писаря Обчугской волости Дроздовского, старшины Обчугской волости Моисеева, врача из д. Слепцы Самуйло, фельдшера Кучинского. В ходе допросов и опроса свидетелей выяснилось, что подследственные, фактически, составляли подпольную группу. В нее входили также Францкевич, Андрушкевич, Сафронов, которые 2 месяца перед началом восстания жили в волостном правлении, а 23 апреля 1863 г. присоединились к отряду восставших. Крестьяне окружающих деревень свидетельствовали, что видели, как подследственные отливали пули из олова, тренировались в стрельбе возле д. Слепцы. Помогали им изготавливать боеприпасы и местные жители, в частности, крестьянин Герасим из д. Прудины. Кроме того, за неделю до начала восстания старшина Обчугской волости Евмен Моисеев передал в Слепцах врачу Самуйло «бочку ржи и бочку овса», вероятно, продовольствие для повстанцев и фураж для их лошадей [1.]

Из приведенного примера можно также сделать вывод, что активными организаторами и участниками восстания были в основном не крестьяне, а представители местной власти и сельской интеллигенции. В то же время мотивами их действий были не только пропольская ориентация, но и антикрепостнические настроения, о чем свидетельствует приведенная в следственных делах фраза старшины волости Е. Моисеева, обращенная к управляющему именем Хморовичу: «Другое правление и другие порядки будут, не бойся пана, когда вместе будем, то никто ничего не сделает». Сложно сказать о позиции владельца Обчугским именем, был ли он поляком, известно ведь, что многие помещики польской национальности поддержали восставших, или же российским помещиком. В первом случае управляющему нечего было бояться его. Вероятно, в мотивации деятельности участников восстания и сочувствующим им все же значительное влияние имели социальные факторы. Тех же самых представителей местной шляхты, администрации и другой сельской верхушки, которую в основном представляли социальные верхи Сенненского уезда, по социальному положению и благосостоянию скорее можно отнести к малоимущим крестьянам, чем к имущим слоям общества. Подтверждением тому служит «опись имущества дворянина Романа Матвеева Роговского, имение Худовцы Сенненского уезда за участие его в восстании 1863 г.:

1). два сюртука старых черных без пуговиц, в одном из них оторвана часть полы, 2) один черный сюртук новый на подкладке, 3) двое панталонов старых, один льняной серого цвета, второй серого цвета шерстяной, 4) одна безрукавка хлопчатая серого цвета, поношенная, одна шелковая старая, 5) шинель серая суконная, старая, на вате, без рукава, подшита коленкором, 6) две рубашки льняные, одна новая, одна старая, 7) двое кальсонов белых льняных и поношенных.

Опись эту составил командированный чиновник коллежский секретарь Федоров” [2]. Как видим, этот «дворянин», по существу, влачил полунищенское существование и для него, вероятно, было более важным не то, какая власть будет над ним: польская или российская, а то, чем он будет питаться и кормить свою семью завтра. Поэтому часто встречаемая оценка восстания как «шляхетского», в смысле «аристократического», «панского», равно как и подсчеты процентов участия в восстании шляхты и крестьян порой не совсем точно отражают суть событий. Часто на местах шляхта, особенно в восточной Беларуси, по своему имущественному, да и социальному положению немногим отличалась от забитой и угнетенной массы крестьян и была уже в значительной степени русифицирована. Опорой восставших, были, скорее, социальные низы, в которые можно включить и часть интеллигенции, стоящей на низу социальной лестницы. Позиция же помещиков была двойственной. Одни поддерживали восстание, прежде всего, материально из-за недовольства российской властью и из-за стремления возвратиться под власть Польши с ее несколько иными порядками государственного устройства, другие же, наоборот, заняли к восставшим настороженную или даже враждебную позицию, опасаясь за свое имущество. В Восточной Беларуси последних было больше, причем опасения их были небеспочвенны. Интересную информацию в этом плане дает в работе «Мои воспоминания» уроженец м. Холопеничи, расположенного на границе Сенненского и Борисовского уездов, известный впоследствии этнограф Адам Богданович. По его словам, отряд восставших, двигавшийся из Сенно через Холопеничи и далее на Борисов, буквально разграбил имение Холопеничи, кроме того, восставшие мобилизовали несколько крестьян с подводами, на которые было погружено продовольствие и фураж и двинулись дальше [3, с. 53–54].

Позиция крестьян по отношению к восставшим была двойственной. Как известно, в 1861 г., за два года до восстания, было отменено крепостное право. Крестьяне возлагали на эту реформу большие надежды, но условия выкупа земли и, фактически, их личной свободы, не оправдали их ожиданий. Участились случаи волнений и неповиновения с их стороны. Сенненский предводитель дворянства 2 мая 1862 г. докладывал Могилевскому губернатору о том, что крестьяне д. Худовцы помещика Гоздицкого отказались выполнять оработки, «были принимаемы полицией должные меры к восстановлению порядка, но все эти меры остались безуспешными, и крестьяне упорно отказались от исполнения своей обязанности, притом выказали дерзость и неуважение к властям, а арестованных главных виновников неповиновения силой пытались освободить... Вследствие чего и в предупреждение подобных беспорядков в других соседних имениях командировал в означенное имение 120 человек Могилевского батальона внутренней стражи, ... вместе с сим отправляется в означенное имение и штаб-офицер корпуса жандармов в Могилевской губернии для принятия нужных мер и водворению там порядка и спокойствия...

Долгом считаю присовокупить, что крестьяне д. Худовцы вышли из повиновения, как доходят до меня сведения, потому, что один прохожий раскольник убедил их, будто помещиком вырвано из Положения 6 листов, в которых и заключалось действительное определение их свободы». Как вскоре докладывал и штаб-офицер корпуса жандармов полковник Соколов в своем рапорте по поводу беспорядков в имении Худовцы, «по прибытию моем в это имение одновременно с воинской командой и земской полицией собраны мною были крестьяне, которым я объяснил непрременную их обязанность... нести повинности, указанные высочайше утвержденным Положением, ... несколько человек крестьян, зачинщиков этих беспорядков, наказал полицейскими мерами» [4].

Этот и другой примеры показывают, что организаторы восстания задолго до его начала уже вели не только организационную подготовку, но и агитационную работу среди населения, акцентируя внимание главным образом на вопросах земли и личной свободы крестьян. Эта работа продолжалась и во время восстания, причем благосклонно воспринималась на местах. Как сообщал 7 мая 1863 г. мировой посредник 2-го участка Сенненского уезда губернатору

Могилевской губернии А.П. Беклемишеву, «в местах, через которые прошли банды мятежников, крестьяне...перестали исполнять возложенную на них за землю повинность; лисичанский староста показал, что из банды мятежников, проходившей из Столбцов на Сторожиче и прибывшей на с. Лисичино, несколько человек вошли в церковь во время литургии 5 мая сего месяца и прочли возмутительный манифест, объявив крестьянам, что отведенную землю они им дарят вместе с полной свободой, а старшине угрожали виселицей, если он будет отдавать какие-либо приказания. Некоторые крестьяне благодарили мятежников и целовали им руки»[5, с. 468]. Следует отметить, что манифест от 20 января 1863 г. действительно был разработан Литовским провинциальным комитетом и доведен до всех отрядов повстанцев для оглашения среди населения. В нем провозглашалось, что крестьянам «на вечные времена передавались без чиншей и выкупа те земли, которыми они до того времени владели», безземельные крестьяне, в соответствии с манифестом, наделялись 5 моргами земли.

Но в то же время немалая часть крестьян оказалась под влиянием официальной пропаганды, трактовавшей восстание как польское, ничего не дающее крестьянам. Среди населения распространялись слухи «о скором приходе поляков, которые будут забирать землю и край наш под себя» Вот какую версию выдвинули крестьяне из д. Угалевщина Сенненского уезда в связи с этими слухами: «Царь освободил крестьян от крепостной зависимости. Каждому крестьянину при этом должны были дать 6 рублей деньгами и по 20 десятин земли. Панам это не понравилось, они сошлись с поляками, стали готовиться к восстанию. Поляков паны подговорили и говорили, что если они помогут панам, то могут взять всю свою землю обратно» [6, с. 151]. Кроме того, чтобы отвлечь крестьян от участия в восстании, власти пошли на некоторые уступки: 1 марта 1863 г. вышел указ, согласно которому в Виленской, Гродненской, Минской и части Витебской губерний с 1 мая 1863 г. приостанавливались временнообязанные отношения между помещиками крестьянами, последние переводились в разряд собственников, а выкупные платежи уменьшались на 20%. Этот указ дополнительным циркуляром от 2 ноября 1863 г. был распространен и на Могилевскую губернию, а выкупные платежи снижены на 23,8%. Поэтому нередки-

ми были случаи, когда крестьяне выдавали властям повстанцев и их агитаторов.

Тактика повстанцев была следующей. Восстание в Могилевской губернии должно было проходить по единому плану. Как отмечалось в рапорте Могилевской следственной комиссии губернатору А.П. Беклемишеву 16 декабря 1863 г., « у всех вообще начальников шаек, как видно по производящимся делам, был одинаковый план действий, который состоял в следующем: в возбуждении народонаселения, особенно крестьян, противу правительства чтением революционных манифестов, к склонению к поступлению в шайки, в уничтожении мостов и переправ, ограблении правительственных учреждений и в действиях, где представлялось возможным, против русских войск [5, с. 487–488].

В ночь на 23 апреля сформированные в ряде населенных пунктов вооруженные повстанческие отряды одновременно начали военные действия. Восстание охватило Сенненский, Оршанский, Горецкий и другие уезды Могилевской губернии. Предполагалось, что во время боевых действий и рейдов отрядов они будут пополняться за счет присоединившегося населения и таким образом восстание приобретет массовый характер.

В Сенненском уезде отряды формировались под руководством К.А. Жебровского, чье имя довольно часто встречается в исторической литературе о восстании, и А.В. Олендского, сведений о нем почти нет, хотя отряд Олендского оставил даже больший след на Сенненщине, чем отряд К.А. Жебровского. Отряд Жебровского формировался в Лукомле, Черее, деревнях Слепцы, Мальцы, Худо-во Сенненского уезда и должен был действовать в северной части губернии и уезда. Однако уже с самого начала планы были нарушены, на сборные пункты прибыло значительно меньше планируемого добровольцев. Когда ксендз лукомльского костела приводил отряд к присяге, в нем насчитывалось около 100 человек. Поэтому К.А. Жебровский изменил ранее намеченные планы и двинул отряд в направлении Холопенич – Борисова на соединение с отрядами, действовавшими в Минской губернии и дальнейшем возможном походе на г. Минск. По пути следования отряда к нему присоединялись крестьяне, но не в таком количестве, как ожидали руководители восстания. Одним из таких добровольцев был крестьянин из д. Дубы Сенненского уезда Пашкевич Осип Иванович. После раз-

грома восстания он вернулся домой, но был выдан крестьянами приставу 4 стана Сенненского уезда и отправлен в Москву[7]. Тем не менее, численность восставших увеличивалась, прежде всего, за счет местного населения. А. Богданович писал в работе «Мои воспоминания» о том, что в 15 верстах от его родины, м. Холопеничи, в д. Лисичино сформировался местный отряд повстанцев в количестве 150–200 человек [3, с. 55].

Отряд А.В. Олендского сформировался в районе Толочина и развернул военные действия непосредственно в Сенненском уезде. Практически в каждой деревне повстанцы проводили агитацию среди крестьян, в своих выступлениях обещая им передачу в пользование всей земли, полное освобождение от крепостной зависимости, обязательной воинской повинности. Эти призывы встречали сочувствие у населения, отряд его пополнялся, но действительно действенной помощи не получил, в стычках 26 и 27 апреля возле д. Антоново Сенненского уезда повстанцы, правда, нанесли значительные потери регулярным войскам, однако возле местечка Слаveni были разбиты. Тем не менее, память об этом отряде сохранилась в народных легендах, при этом тональность была сочувственной, количество повстанцев значительно преувеличивалось, в разных населенных пунктах назывались цифры 250, 700 и даже 1000 человек. При этом, правда, предводителя отряда народная молва называла то паном Корсаком, то паном Карским. Однако, хотя и в гипертрофированном виде, эти легенды отражали действительные события. Так, в них отмечалось, что “тысяча повстанцев под командованием пана Корсака разбила царский отряд в 250 человек, так что осталось всего 7 человек, которые как-то добрались до Могилева. Оттуда прислали уже 5000 солдат”. Далее описывается внезапное нападение солдат на лагерь повстанцев, их разгром, ранение Корсака, наконец, его гибель. Немалое впечатление на население оказал обоз из 7 подвод, на котором везли оружие повстанцев после разгрома отряда, и особенно деревянное орудие, оббитое железными обручами [6. с. 157].

Корсак Владимир Антонович, артиллерийский подпоручик, действительно был помощником Олендского, участвовал в боях, впоследствии 6 июня 1863 г. по приговору военного суда был расстрелян в г. Могилеве.

Как отмечал в 1907 г. краевед Сенненского уезда К.Т. Аникиевич, “шайки повстанцев были разбиты в фольварке Слепцы, за Щаврами (на границе Сенненского уезда с Борисовским, и также вблизи д. Подберезья, где также оказались инсургенты из Сенненского уезда” [8, с. 76]. Последнее известие касалось отряда К.А. Жебровского, к которому присоединились и остатки отряда А.В. Олендского. Повстанцы были окончательно разгромлены регулярными войсками 7 мая 1863 г. на границе Сенненского и Борисовского уезда в лесу возле д. Подберезье. Согласно рапорту командира Кременчугского полка полковника Добровского, участвовавшего в разгроме повстанцев, отряд Жебровского насчитывал в это время уже 300–400 человек, из них 60 кавалеристов. Не исключено, что полковник преувеличил численность повстанцев, чтобы, соответственно, возвеличить свои заслуги. Как следует из рапорта, отряд расположился на возвышенности на опушке леса, были сооружены временные деревянные укрепления в виде плетней. Чтобы выманить повстанцев, основные силы регулярных войск были скрыты в лесу, а к укреплениям выдвинут взвод солдат под командованием прапорщика Троцкого–Сенитовича, который подошел к лагерю вплотную с белым платком и предложил сдаться. Повстанцы, видя немногочисленность солдат, отказались сдаться, начали обстрел и бросились в атаку. В это время их отрезали от укреплений основные силы солдат, которые вырвались из леса и с криками «ура» напали на атакующих. Повстанцы после короткого боя обратились в бегство. После двухчасовой стычки бой был закончен разгромом повстанцев, которые понесли значительные потери. Были взяты пленные, в качестве трофеев обоз, лошади, оружие, в том числе одно орудие [9, с. 94]. Руководители К.А. Жебровский и А.В. Олендский были расстреляны, первый в г. Борисове, второй – в Минске. Некоторые подробности можно узнать из работы А. Богдановича «Мои воспоминания». После разгрома повстанцев около д. Подберезье, «пять обозных телег завалили трупами и в демонстративных и следственных интересах повезли хоронить в Холопеничи. На католическом кладбище были вырыты три огромные ямы. Туда же согнали народ и, разложив окровавленные и посинелые трупы, превратили кладбище в импровизированный морг, заставляя согнанных осматривать трупы и опознавать. Имена опознанных записывали для дальнейшего расследования» [3, с. 56-57]. Из этого от-

рывка можно сделать вывод, что среди повстанцев было немало жителей м. Холопеничи и, возможно, окружающих населенных пунктов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Восстание в Могилевской губернии и, в частности, в Сенненском уезде начало готовиться заблаговременно, осуществлялось по единому плану и началось одновременными действиями повстанческих отрядов. Однако не исключено, что и властям были известны планы повстанцев, поскольку также были приняты соответственные меры и отряды были разбиты в течение короткого времени, не успев развернуться. Восстание не приобрело широкого размаха и в то же время получило большее развитие, как это трактуется в исторической литературе. Считается, что в Могилевской губернии в нем приняло участие около 800 чел., однако, по нашим подсчетам, только в Сенненском уезде численность повстанцев составила не менее 500 чел.. Причина этого расхождения заключается, вероятно, в том, что историки свои расчеты строят прежде всего на документах того времени, в которых, соответственно, количество повстанцев по политическим соображениям занижено и их характеристика подается исключительно как «польских инсургентов», а действия населения – только как враждебные по отношению к ним, причем введены в научный оборот не все источники. В публикациях не учтены в полной мере все участники, в частности, о повстанцах Сенненского уезда почти нет сведений. О более широком размахе восстания, кроме цифр, приведенных в статье, косвенным подтверждением является и тот факт, что власти для подавления восстания в Могилевской губернии вынуждены были, кроме 70 рот регулярных войск и полицейских формирований, направить туда еще дополнительные силы.

На наш взгляд, не совсем верно расценивать состав участников восстания исключительно как шляхетский, ставящий целью восстановление польской власти, как это трактовалось и в литературе и документах XIX в.. Из рассмотренных материалов по Сенненскому уезду можно сделать вывод, что главным мотивом его участников был социальный фактор, а состав отличался, скорее, не национальными или сословными особенностями, а уровнем благосостояния. Восставшие стремились опереться прежде всего на основную массу населения – неимущих крестьян и при этом на пер-

вый план выдвигались проблемы земли и свободы, а не политической ориентации. Значительная часть крестьянства положительно восприняла их лозунги, отряды стали активно пополняться за счет местных жителей и если бы восстание не было подавлено на его начальной стадии, оно могло бы развернуться в широкое народное антикрепостническое движение, хотя и определенная часть населения встала на сторону властей. Подтверждением последнему является тот факт, что по итогам восстания в Могилеве 54 отличившихся в выявлении повстанцев были награждены медалями, из них 50 крестьян.

Использованная литература

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 51, 52.
2. Там же. – Ф. 2003. – Воп. 1. – Д. 279. – Л. 3,4.
3. Богданович, А. Мои воспоминания / А. Богданович // Нёман. – 1994. – № 5. – С. 53–57.
4. Крестьянское движение в Беларуси после отмены крепостного права (1861–1862 гг.). Документы и материалы. – Минск: Беларусь, 1959. – 532 с.
5. Восстание в Литве и Беларуси. 1863–1864 гг. Сборник документов. – М.: Наука, 1965. – 583 с.
6. Васілеўскі Д. Сялянства Віцебскай і Магілёўскай губернь у паўстанні 1863 г. – Польша, 1928. – № 6. – С. 151.
7. НИАБ. – Ф. 2001. – Оп. 2. – Д. 101. – Д. 2,3.
8. Аникиевич К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии / К.Т. Аникиевич. – Могилев: губернская типография, 1907. – 211 с.
9. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Крупскага раёна. – Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. – 640 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Цинкевич А.А. г. Минск, БГУ

Несомненно, война 1812 г. оставила глубокий след в истории Беларуси. Однако большинство отечественных и зарубежных авторов, исследующих историю военной кампании 1812 г., обращают